DK38
.082
1900

OTCHET O PIATOM I SHESTOM PRISUZHDENIIAKH PREMII G.F. KARPOVA. IMPERATORSKIM OBSHCHESTVOM ISTORII I DREVNOSTEI ROSSIISKIKH PRI MOSKOVSKOM...

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

DK38
.082
1900

DEMCO

a 00003 075923

This book is due at the WALTER R. DAVIS LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.

Form No. 513,
Rev. 1/84

Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/otchetopiatomish00unse

ОТЧЕТЪ

О ПЯТОМЪ И ШЕСТОМЪ ПРИСУЖДЕНІЯХЪ ПРЕМІИ

Г. Ѳ. КАРПОВА

Императорскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

А. 205/43
В. 23/240
В. 23/242
Л. 405/1

МОСКВА.
—
1900.

2536 ч/81
DK38
.092
1900

ОТЧЕТЪ

О ПЯТОМЪ И ШЕСТОМЪ ПРИСУЖДЕНІЯХЪ ПРЕМІИ

Г. Ѳ. КАРПОВА

Императорскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

Otchet.
O piâtom i shestom prisuzhdeniiakh premii,
G.O. Karpova:
Imperatorskim obshchestvom istorii i drevnosteĭ rossiĭskikh pri moskovskom universitetîe

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1900.

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
PROPERTY OF
LIBRARY
AT CHAPEL HILL

Изъ Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ за 1900 г.

На шестое соисканіе преміи Г. Ѳ. Карпова было представлено три сочиненія. Избранная Обществомъ Комиссія (въ составѣ Дѣйствительныхъ Членовъ: С. А. Бѣлокурова, Д. И. Иловайскаго, В. О. Ключевскаго, В. О. Эйнгорна и Члена-Соревнователя А. П. Сапунова, по разсмотрѣніи представленныхъ изслѣдованій, передала ихъ для подробнаго разбора особымъ рецензентамъ. По выслушаніи доставленныхъ отзывовъ Комиссія постановила: признать достойнымъ преміи сочиненіе Дѣйствит. Члена Общества *В. А. Уляницкаго* «Историческій очеркъ русскихъ консульствъ за границей» ч. I; остальныя же два сочиненія, представленныя на соисканіе преміи, Комиссія признала не заключающими въ себѣ научныхъ качествъ, которыя давали бы право на увѣнчаніе ихъ искомой преміей. Дѣйствит. Члену Общества М. К. Любавскому за подробную и основательную рецензію одного изъ сочиненій Комиссія присудила золотую медаль, а другимъ двумъ рецензентамъ графу Л. А. Камаровскому и А. П. Сапунову выразила глубокую благодарность за ихъ труды.

О результатахъ 6-го соисканія преміи было объявлено въ чрезвычайномъ засѣданіи Общества 24 апрѣля 1898 г.

На седьмое соисканіе преміи Г. Ѳ. Карпова было представлено одно сочиненіе: II-й томъ изслѣдованія С. Т. Голубева «Кіевскій митрополитъ Петръ Могила», Кіевъ, 1898 г. Избранная Обществомъ Комиссія (въ составѣ Дѣйствит. Членовъ: С. А. Бѣлокурова, Д. И. Иловайскаго, В. О. Ключевскаго, М. К. Любавскаго и В. А. Уляницкаго), по выслушаніи представленнаго, по ея просьбѣ, отзыва Дѣйств. Члена Е. Е. Голубинскаго о семъ сочиненіи, постановила: признать трудъ проф. С. Т. Голубева вполнѣ заслуживающимъ преміи Г. Ѳ. Карпова, а Е. Е. Голубинскому выдать установленную для рецензентовъ золотую медаль.

О таковомъ постановленіи Комиссіи объявлено было въ чрезвычайномъ засѣданіи Общества 24 Апрѣля 1899 г.

I.

Отзывъ о сочиненіи В. А. Уляницкаго:

„Историческій очеркъ русскихъ консульствъ за границею".

Въ этомъ сочиненіи (составляющемъ первый томъ изслѣдованія о русскихъ консулахъ) авторъ изучаетъ весьма подробно зарожденіе и первое распространеніе русскихъ консуловъ за границею на протяженіи 18 го вѣка. Оно распадается на двѣ части: первая посвящена царствованію Петра Великаго, который сталъ назначать первыхъ русскихъ консуловъ въ иностранныя государства; вторая—его преемникамъ и особенно Екатеринѣ II. Порядокъ изложенія хронологическій. Это заставляетъ автора прерывать свой разсказъ о какой-либо странѣ вставками объ иноземныхъ консулахъ и снова позднѣе къ ней возвращаться. При Петрѣ возникли слѣдующія консульства, которыя авторъ и разсматриваетъ въ ихъ исторической послѣдовательности: а) *въ Европѣ*: въ Амстердамѣ (1707), Венеціи (1711), Парижѣ (1715), Бреславлѣ и Антверпенѣ (1717), Вѣнѣ и Люттихѣ (1718), Бордо и Кадиксѣ (1723). Состояли еще: «управитель торговли» въ Гамбургѣ (1713) и агентъ въ Нюрнбергѣ (1722), но имъ не отведены особыя главы.— б) *Въ Азіи*: въ Китаѣ (1719) и въ Персіи (1720).—Хотя при Петрѣ въ Россіи были англійскій консулъ и датскій комиссаръ, но ни въ Англію, ни въ Данію русскихъ консуловъ назначено не было.

Во второй части рѣчь идетъ о русскихъ консулахъ (во второй половинѣ 18 в.) въ слѣдующихъ городахъ: въ Данцигѣ, Гельсингёрѣ, Шкловѣ и Витебскѣ (Польша), Кадиксѣ, Бордо, Лиссабонѣ, портѣ Магонѣ, Гибралтарѣ, Лондонѣ, Ливорно, Тріестѣ и Бахчисараѣ.

Работая по первоисточникамъ (матеріаламъ, заключающимся въ документахъ Моск. Гл. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ и Архива бывшихъ Коммерцъ-Коллегіи и Комиссіи о Коммерціи), г. Уляницкій часто дословно передаетъ ихъ содержаніе, при чемъ допускаетъ длинноты и повторенія, тѣмъ болѣе излишнія, что многіе изъ этихъ документовъ онъ помѣщаетъ затѣмъ цѣликомъ или въ сокращеніяхъ въ приложеніяхъ къ своей книгѣ (число которыхъ достигаетъ 91 и занимаютъ они 300 стр.). Эти выдержки изъ документовъ сообщаются въ текстѣ сочиненія даже на языкѣ того времени, столь неуклюжемъ и темномъ. Растянутость изложенія, на которую мы намекаемъ, является предосудительною еще потому, что часто содержаніе не соотвѣтствуетъ важ-

ности достигнутыхъ на практикѣ результатовъ или тѣхъ интересовъ, о которыхъ повѣствуется такъ широковѣщательно. Въ цѣломъ, это сочиненіе—цѣнное собраніе сырья, лишь мѣстами освѣщеннаго историческими и критическими замѣчаніями. Оно много выиграло бы, если бы было короче, систематичнѣе и если бы само изложеніе въ немъ было отдѣлено строже отъ документовъ, служащихъ ему канвою. Но какъ оно ни читается тяжело (частію по содержанію, а частію по языку), оно заключаетъ въ себѣ не мало любопытныхъ свѣдѣній объ организаціи и дѣятельности русскихъ консуловъ за первый періодъ ихъ возникновенія на Западѣ и на Востокѣ (въ 18 стол.), о цѣляхъ торговой политики нашего правительства и о воззрѣніяхъ русскаго купечества на иностранную торговлю вообще. Послѣднія составляли главный тормазъ въ дѣлѣ осуществленія намѣреній Петра и Екатерины завязать непосредственно торговыя сношенія съ иностранными государствами съ тою цѣлію, чтобы заставить ихъ покупать нужные имъ русскіе товары прямо отъ нашихъ купцовъ, а не отъ перекупщиковъ (англичанъ и голландцевъ), которые получали весь барышъ отъ этого торга въ свои руки.

Русскіе консулы въ 18 в. (большею частію иностранцы) зависѣли отчасти отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, отчасти же отъ коммерцъ-коллегіи, которыя обѣ выдавали имъ инструкціи. Г. Уляницкій тщательно изучаетъ всѣ эти инструкціи, а равно ихъ реляціи и всю вообще переписку, поскольку таковая сохраняется въ архивахъ. Для опредѣленія правъ, положенія и круга дѣятельности русскаго консула за изучаемое время особенно важна дѣятельность Бранденбурга въ Кадиксѣ (1766—97), на которой авторъ и останавливается со всею подробностію. Нѣсколько случайныхъ консульствъ въ Средиземныхъ портахъ были вызваны извѣстною морскою экспедиціею гр. Орлова, въ 1770 г. Переговоры объ учрежденіи русскаго консульства въ Бахчисараѣ тянулись около 15 лѣтъ (1743—58) и авторъ внимательно слѣдитъ за всѣми ихъ перепитіями. Цѣли, преслѣдовавшіяся при этомъ Россіею, были не только торговыя, но и политическія.

Въ виду обширности и интереса матеріаловъ, использованныхъ г. Уляницкимъ въ настоящемъ его трудѣ, не лишенномъ значенія и для лицъ, изучающихъ русскую исторію, мы полагаемъ, что сочиненіе его можетъ быть рекомендовано, какъ заслуживающее полученія преміи Геннадія Ѳедоровича Карпова.

Гр. Л. Камаровскій.

Москва.
13 Апрѣля, 1898 г.

II.

Отзывъ о II томѣ сочиненія С. Т. Голубева:

„Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники" (Кіевъ, 1898).

Представленный на соисканіе преміи II томъ сочиненія г. Голубева, посвященный жизни и дѣятельности Петра Могилы въ санѣ митрополита (послѣ I тома, посвященнаго жизни и дѣятельности его въ мірскомъ званіи и въ должности архимандрита Печерскаго монастыря и исторіи занятія имъ митрополичьей каѳедры) состоитъ изъ пяти главъ, предваряемыхъ краткимъ введеніемъ.

Во введеніи авторъ дѣлаетъ очеркъ нуждъ и недостатковъ западно-русской церкви, какія передъ вступленіемъ Петра Могилы на каѳедру митрополіи она имѣла въ отношеніи къ своему внѣшнему, государственному положенію и въ отношеніи къ своему внутреннему, административному и нравственному или нравственно-бытовому, состоянію, чтобы показать, какая дѣятельность ожидалась и требовалась отъ Петра Могилы въ санѣ митрополита. Въ первой главѣ авторъ излагаетъ исторію отношеній Петра Могилы къ его предшественнику на каѳедрѣ митрополіи Исаіи Копинскому, подъ которымъ живымъ онъ занялъ каѳедру, снова рѣшаетъ рѣшенный имъ въ I-мъ томѣ сочиненія вопросъ: какъ смотрѣть на это занятіе Могилой каѳедры митрополіи подъ живымъ митрополитомъ и передаетъ имѣвшій мѣсто въ началѣ правленія Могилы эпизодъ борьбы его съ игуменомъ и монахами Пустынно-Никольскаго монастыря, не хотѣвшими признать подчиненія своего монастыря Печерской Лаврѣ. Во второй главѣ авторъ излагаетъ исторію государственной борьбы православныхъ съ католиками и уніатами за время управленія митрополіей Петра Могилы. Въ третьей главѣ авторъ говоритъ о литературной полемикѣ православныхъ съ иновѣрцами за то же время. Въ четвертой главѣ говоритъ о возобновленіи и благоустройствѣ Петромъ Могилою древнихъ кіевскихъ храмовъ. Въ пятой главѣ излагаетъ дѣятельность Петра Могилы, направленную къ устраненію недостатковъ во внутреннемъ бытѣ православной южно-русской церкви.

При настоящемъ II-мъ томѣ, такъ же какъ и при I-омъ томѣ, напечатано авторомъ очень большое количество матеріаловъ или документовъ въ видѣ приложеній, которыя по объему своему почти что равняются самому сочиненію или составляютъ почти что половину книги (на 524 страницы самаго сочиненія 498 страницъ приложеній).

Наши рѣчи о сочиненіи г. Голубева имѣютъ состоять изъ двухъ половинъ. Одну половину ихъ мы посвятимъ частному вопросу, относительно отвѣта на который мы несогласны съ авторомъ; другую половину ихъ будутъ составлять краткія замѣчанія на всю книгу въ порядкѣ ея изложенія.

Частный вопросъ, въ отвѣтѣ на который мы несогласны съ г. Голубевымъ и которому будетъ посвящена первая половина нашихъ рѣчей, есть вопросъ *о занятіи Петромъ Могилой каѳедры митрополіи подъ живымъ митрополитомъ Исаіею Копинскимъ.*

Петръ Могила, безспорно, есть знаменитый нашъ церковный дѣятель, оказавшій не только западно-русской, но отчасти и всей вообще русской, церкви великія услуги. Но знаменитые люди бываютъ двухъ родовъ: очень немногіе изъ нихъ совершенно безъ темныхъ пятенъ на ихъ памяти и значительнѣйшая часть ихъ съ большими или меньшими таковыми пятнами. Вопросъ о занятіи Петромъ Могилой каѳедры митрополіи подъ живымъ митрополитомъ Исаіею Копинскимъ есть именно вопросъ о томъ, къ которому классу знаменитыхъ людей онъ принадлежитъ—совсѣмъ не имѣющихъ пятенъ на своей памяти или же имѣющихъ эти пятна. Такъ какъ исторія должна стараться, насколько можетъ, быть справедливою, ибо иначе она будетъ уже не исторіей, и такъ какъ по этой причинѣ въ біографіи каждаго знаменитаго человѣка вопросъ о присутствіи или отсутствіи пятенъ на его памяти есть вопросъ важный: то и вопросъ о занятіи Петромъ Могилой каѳедры митрополіи подъ живымъ митрополитомъ, отъ того или иного рѣшенія котораго зависитъ отвѣтъ о присутствіи или отсутствіи пятна на его памяти, составляетъ важный вопросъ въ его біографіи.

Мы сказали выше, что вопросъ этотъ—какъ смотрѣть на занятіе Петромъ Могилой каѳедры митрополіи подъ живымъ митрополитомъ, былъ рѣшенъ авторомъ въ 1-омъ томѣ сочиненія и что въ настоящемъ 2-мъ томѣ онъ снова или во второй разъ рѣшаетъ его. Поводъ къ вторичному рѣшенію авторомъ вопроса подалъ именно я нижеподписавшійся. Первый томъ сочиненія представленъ былъ имъ въ Академію Наукъ на соисканіе уваровскихъ премій и Академіею мнѣ поручено было написать отзывъ о немъ. Въ своемъ отзывѣ о 1-мъ томѣ я заявилъ свое несогласіе съ отвѣтомъ, который дается въ немъ на вопросъ авто-

ромъ, именно—тогда какъ онъ находитъ, что занятіе Петромъ Могилой каѳедры митрополіи подъ живымъ митрополитомъ было съ его стороны дѣяніемъ легально и нравственно безупречнымъ, я напротивъ рѣшительно высказался за то, чтобы считать это занятіе Могилой каѳедры митрополіи дѣяніемъ съ его стороны далеко не безупречнымъ [1]). Чтобы отвѣчать мнѣ и чтобы опровергнуть меня, авторъ снова и возвращается къ вопросу въ настоящемъ 2-мъ томѣ.

Я искренно былъ бы радъ, если бы авторъ опровергъ меня, потому что мнѣ гораздо пріятнѣе было бы представлять Петра Могилу знаменитымъ человѣкомъ безъ всякаго темнаго пятна на его памяти, нежели знаменитымъ человѣкомъ съ значительнымъ или по крайней мѣрѣ съ нѣкоторымъ (во всякомъ случаѣ не совершенно малымъ) пятномъ на его памяти. Но авторъ не только не опровергъ меня, но еще болѣе утвердилъ меня въ моемъ мнѣніи, при чемъ указываетъ и нѣкоторыя новыя, очень важныя, данныя, служащія къ подкрѣпленію моего мнѣнія. Въ интересѣ той справедливости со стороны исторіи, о которой сказали мы выше и которая требуетъ, чтобы историкъ и противъ своего желанія становился обвинителемъ, если желаетъ оставаться историкомъ, мы позволимъ себѣ произвести, такъ сказать, пересмотръ дѣла съ нѣкоторою обстоятельностью.

Вотъ исторія дѣла, начиная ab ovo. 23-го Декабря 1595 года Ипатій Поцѣй, епископъ Владимирскій, и Кириллъ Терлецкій, епископъ Луцкій, въ Римѣ передъ папой отъ лица будто бы русскаго народа торжественно присягнули на унію съ латинскою церковію. 10-го Октября 1596 года унія торжественно провозглашена была на соборѣ въ Брестѣ Литовскомъ. Изъ 8-ми епископовъ западной Руси, считая въ томъ числѣ митрополита, шестеро, съ митрополитомъ во главѣ, приняли унію, а вѣрными православію остались двое, именно—Гедеонъ Болобанъ, епископъ Львовскій, и Михаилъ Копыстенскій, епископъ Перемышльскій. Когда 25-го Августа 1605-го года скончался Гедеонъ Болобанъ, то его каѳедра замѣщена была новымъ православнымъ епископомъ, но когда въ началѣ 1610-го года скончался Михаилъ Копыстенскій, то на его мѣсто или вмѣсто него поставленъ былъ епископъ не православный, а уніатскій, такъ что послѣ его смерти православные юго-западной Руси остались и всего съ однимъ епископомъ. Въ концѣ 1620-го года патріархъ іерусалимскій Ѳеофанъ, проѣзжая чрезъ юго-западную Русь изъ Москвы домой, поставилъ здѣшнимъ Русскимъ

[1]) См. въ 51-мъ томѣ Записокъ Академіи Наукъ отчетъ о двадцать седьмомъ присужденіи наградъ графа Уварова, стр. 64 sqq.

митрополита и шесть епископовъ (посвятилъ собственно пять епископовъ, ибо на шестую каѳедру былъ только опредѣленъ или благословленъ имъ готовый епископъ греческій, проживавшій въ юго-западной Руси). Поставленный патр. Ѳеофаномъ митрополитъ Іовъ Борецкій скончался 2-го Марта 1631 года и на его мѣсто поставленъ былъ въ митрополиты въ Іюнѣ—Іюлѣ мѣсяцѣ 1631-го года Исаія Копинскій, который патр. Ѳеофаномъ посвященъ былъ въ епископы Перемышльскіе и который потомъ около 1625-го года переведенъ былъ въ архіепископы Смоленскіе и Черниговскіе. 3-го Ноября 1632-го года на мѣсто живаго Исаіи Копинскаго избранъ былъ въ митрополиты Петръ Могила (равно какъ и вмѣсто оставшихся въ живыхъ и вѣрными православію епископовъ Ѳеофанова поставленія избраны были новые епископы).

На вопросъ: почему избранъ былъ новый митрополитъ на мѣсто живаго прежняго митрополита (и новые епископы вмѣсто живыхъ прежнихъ епископовъ) преосв. Макарій отвѣчалъ предположеніемъ, что это сдѣлано было по требованію польскаго правительства. Король Сигизмундъ III, при которомъ патр. Ѳеофанъ поставилъ юго западнымъ Русскимъ митрополита и епископовъ, не хотѣлъ признавать этого митрополита законнымъ митрополитомъ и этихъ епископовъ законными епископами, равно какъ не хотѣлъ потомъ признать законнымъ митрополитомъ и Исаію Копинскаго, поставленнаго на мѣсто Іова Борецкаго. Послѣ смерти Сигизмунда III, случившейся 30-го Апрѣля 1632-го года, и передъ избраніемъ въ короли его сына Владислава IV, въ концѣ 1632-го года, православнымъ Русскимъ Польскаго королевства удалось истребовать у правительства признанія правъ своей церкви и на первомъ мѣстѣ между этими правами—права поставленія митрополита и четырехъ епископовъ (грамота Владислава съ такъ называемыми статьями успокоенія,—puncta uspokoienia,—отъ 1-го Ноября новаго стиля 1632-го года). Но преосв. Макарій предполагаетъ, что, возвративъ православнымъ Русскимъ право имѣть митрополита и епископовъ, польское правительство все-таки не хотѣло признать законными не признававшихся имъ прежде таковыми митрополита и епископовъ и потребовало отъ православныхъ Русскихъ избранія новыхъ митрополита и епископовъ, и что въ исполненіе этого-то требованія и былъ избранъ послѣдними на мѣсто живаго митрополита Исаіи Копинскаго новый митрополитъ Петръ Могила (и вмѣсто епископовъ Ѳеофанова поставленія избраны были новые епископы). Совершенно справедливо признавая предположеніе преосв. Макарія несостоятельнымъ, С. Т. Голубевъ въ первомъ томѣ своего изслѣдованія считаетъ при-

чиной избранія православными Русскими Петра Могилы на мѣсто живаго Исаіи Копинскаго то, что послѣдній по происхожденію своему былъ изъ людей незнатныхъ и не имѣлъ большихъ связей съ могущественною литовско-русскою и польскою аристократіею, между тѣмъ, какъ обстоятельства времени требовали, чтобы во главѣ церкви находилось лицо сильное по своимъ связямъ, могущее твердою рукою удерживать дарованныя православнымъ права и съ успѣхомъ отражать нападенія на оныя со стороны иновѣрныхъ противниковъ, каковъ именно и былъ Петръ Могила. Въ настоящемъ 2-мъ томѣ сочиненія С. Т—чъ ставитъ дѣло нѣсколько иначе. «Всѣ прежніе изслѣдователи, касавшіеся разсматриваемаго вопроса и мы лично,—говоритъ онъ,—упускали изъ виду тотъ, имѣющій въ данномъ случаѣ важное значеніе, фактъ, что въ Польшѣ и въ западно-русскихъ областяхъ высшія іерархическія мѣста съ соединенными съ ними бенефиціями (равно какъ свѣтскія высшія должности) могли быть предоставляемы *заслуженнѣйшимъ и славнѣйшимъ шляхтичамъ* (курсивъ автора) той земли, въ какой будетъ свободно мѣсто, т. е. въ землѣ краковской обывателю краковскому, въ перемышльской—перемышльскому и т. д.» (стр. 40). Такъ какъ Исаія Копинскій не подходилъ подъ сейчасъ указанное условіе: то и имѣлъ быть избранъ на его мѣсто другой. На предвидимое сильное возраженіе, что правительство могло быть прошено, чтобы на сей разъ допущено было исключеніе, авторъ отвѣчаетъ—во-первыхъ, что православные могли находить очень неудобнымъ просить правительство объ исключеніи; во вторыхъ—что при данныхъ обстоятельствахъ они находили нужнымъ замѣнить человѣка неродовитаго человѣкомъ родовитымъ, разумѣя при семъ то, что̀ сказано имъ въ 1-мъ томѣ и что указано нами сейчасъ выше. Кончаетъ авторъ увѣреніемъ, будто по сказанному имъ устраненіе Исаіи Копинскаго отъ каѳедры митрополіи было дѣломъ неизбѣжнымъ и будто такимъ образомъ Петръ Могила занялъ каѳедру, которая неизбѣжно имѣла стать свободною (стрр. 44 и 45).

Положимъ, что утверждаемое авторомъ, будто устраненіе Исаіи Копинскаго отъ каѳедры митрополіи было дѣломъ неизбѣжнымъ и будто такимъ образомъ Петръ Могила занялъ каѳедру, которая неизбѣжно имѣла стать свободною, составляетъ дѣйствительную правду: но и въ этомъ даже случаѣ занятіе Петромъ Могилою каѳедры митрополіи могло ли бы быть признано дѣломъ съ его стороны совершенно безупречнымъ? Авторъ отвѣчаетъ на вопросъ: «Укорять Петра Могилу исключительно за то, что онъ желалъ занять и занялъ митрополичью каѳедру) неизбѣжно имѣвшую быть свободною), значитъ укорять всѣхъ

лицъ, стремящихся, безъ нарушенія существующихъ узаконеній, къ достиженію высшихъ почестей (удостоенію «сугубой чести»),—ст. 45. Съ своей стороны отвѣчаемъ автору: вовсе нельзя похвалить и тѣ лица, которыя дѣйствительно безъ нарушенія существующихъ узаконеній стремятся къ достиженію высшихъ почестей, ибо это значило бы хвалить искательство (такъ какъ стремиться къ достиженію высшихъ почестей что̀ значитъ, какъ не искать ихъ?); но чтобы въ данномъ случаѣ человѣкъ не былъ причастенъ къ нарушенію существующихъ узаконеній, это можно утверждать только при желаніи во чтобы ни стало оправдать Петра Могилу и только закрывая нравственную сторону дѣла стороною формальною. На глазахъ Петра Могилы низводятъ съ каѳедры митрополіи Исаію Копинскаго; разсуждая, что Исаіи во всякомъ случаѣ не оставаться на каѳедрѣ и что если не онъ— Могила, то другой кто-нибудь займетъ ее, онъ изъявляетъ желаніе занять и занимаетъ ее. Формально онъ, конечно, правъ: но правъ ли нравственно? Низведеніе Исаіи Копинскаго съ каѳедры митрополіи, какими бы побужденіями оно не оправдывалось, было дѣломъ незаконнымъ; а если такъ, то дѣйствительное и строгое нравственное требованіе состояло въ томъ, чтобы Петръ Могила не только не искалъ каѳедры митрополіи, но чтобы отказался отъ нея, когда бы она была и предлагаема ему и чтобы вмѣсто сего онъ рѣшительно возвысилъ свой голосъ противъ низведенія Исаіи съ каѳедры...

Но когда авторъ утверждаетъ будто низведеніе Исаіи Копинскаго къ каѳедры митрополіи было дѣломъ неизбѣжнымъ, то согласиться съ нимъ совершенно невозможно. Чтобы въ виду того дѣйствительнаго факта, что въ Польшѣ и въ западно-русскихъ областяхъ высшія іерархическія мѣста съ соединенными съ ними бенефиціями могли быть представляемы заслуженнѣйшимъ и славнѣйшимъ шляхтичамъ и пр., православные не находили возможнымъ просить правительство о допущеніи исключенія въ данномъ случаѣ, это столько же несостоятельно, сколько несостоятельно мнѣніе преосв. Макарія, будто правительство, возвративъ православнымъ право имѣть митрополита и епископовъ, все-таки не хотѣло признать митрополита и оставшихся епископовъ Ѳеофанова поставленія въ ихъ степеняхъ [1]). Что въ данное время и

---

[1]) Не можемъ не сдѣлать здѣсь трехъ замѣчаній. Во-первыхъ, авторъ, приводя свидѣтельства въ подтвержденіе своего факта, страннымъ образомъ не указываетъ главнаго между свидѣтельствами: въ «статьяхъ успокоенія» говорится, что православнымъ дается право имѣть своего митрополита, ktory nazawsze z posrzaodku szlachty narodu Ruskiego... ma bydz obierany, т. е., который всегда

при данныхъ обстоятельствахъ гораздо предпочтительнѣе былъ такой митрополитъ, какъ Петръ Могила, нежели такой митрополитъ, какъ Исаія Копинскій, это совершенно справедливо. Но коль скоро Исаія сидѣлъ уже на каѳедрѣ, бывъ посаженъ на нее въ непредвидѣніи случившихся обстоятельствъ: то все-таки не оказывалось необходимымъ прибѣгать для поправленія дѣла къ такому радикальному средству, какъ низведеніе Исаіи съ каѳедры. Для охраненія и защиты истребованныхъ православными у правительства правъ ихъ церкви нуженъ былъ такой человѣкъ, какъ Петръ Могила. Но какъ истребованіе правъ было достигнуто главнымъ образомъ благодаря стараніямъ Петра Могилы при бытности митрополитомъ Исаіи Копинскаго: такъ и охраненіе истребованныхъ правъ столько же могло быть принято Петромъ Могилою на себѣ и при той же бытности митрополитомъ Исаіи Копинскаго. Мы хотимъ сказать, что, и оставаясь архимандритомъ Печерскаго монастыря, Петръ Могила столько же много могъ содѣйствовать охраненію истребованныхъ у правительства правъ, сколь много, будучи архимандритомъ монастыря, содѣйствовалъ ихъ истребованію, и что такимъ образомъ безъ устраненія Исаіи Копинскаго съ каѳедры митрополіи, онъ такъ сказать могъ бы восполнять собой послѣдняго въ отношеніи къ тѣмъ внѣшнимъ достоинствамъ, тѣмъ внѣшнимъ силѣ и авторитету, которыхъ Исаія Копинскій не имѣлъ. Конечно, лучше было для западно-русской церкви, что Петръ Могила совсѣмъ замѣнилъ собою Исаію Копинскаго на каѳедрѣ митрополіи. Но чтобы замѣна могла произойти внѣшне-легальнымъ и въ нравственномъ отношеніи безупречнымъ образомъ, она должна была совершиться не такъ, какъ совершилась: нужно было не отставлять Исаію Копинскаго, что было незаконно, а нужно было предложить ему, чтобы онъ по причинѣ своей старости и болѣзненности и по причинѣ своего несоотвѣтствія обстоятельствамъ времени добровольно оставилъ каѳедру. Если бы съ Исаіею было поступлено какъ слѣдуетъ и если бы онъ обезпеченъ былъ въ средствахъ къ жизни: то болѣе чѣмъ вѣроятно, что онъ оставилъ бы каѳедру, уступая мѣсто Петру Могилѣ. Если же онъ не

имѣетъ быть избираемъ изъ среды шляхты народа русскаго. Во-вторыхъ, авторъ не дѣлаетъ никакой оговорки по тому поводу, что высшія іерархическія мѣста могли быть предоставляемы туземной шляхтѣ и что Петръ Могила вовсе не былъ шляхтичемъ кіевскимъ. Въ третьихъ, авторъ обходитъ молчаніемъ свидѣтельство Іоакима Іерлича, что Исаія Копинскій пребывалъ въ Златоверхомихайловскомъ монастырѣ съ согласія короля Сигизмунда III, изъ котораго, если давать ему вѣру, какъ будто слѣдуетъ, что Исаія былъ признанъ отъ Сигизмунда законнымъ митрополитомъ.

захотѣлъ бы оставить каѳедры, а между тѣмъ оказалось бы, что замѣна его Петромъ Могилой рѣшительно требуется пользою церкви: тогда, конечно, могла быть поднята рѣчь и объ его отставкѣ, только отставкѣ, имѣвшей быть учиненною законнымъ образомъ...

Но дѣйствительную правду относительно занятія каѳедры митрополіи Петромъ Могилой составляетъ не то, будто онъ занялъ каѳедру, съ которой во всякомъ случаѣ былъ бы удаленъ Исаія Копинскій, а то, что Исаія весьма могъ бы оставаться на каѳедрѣ, но что Могила взялъ ее подъ нимъ.

Могила желалъ и искалъ занять каѳедру митрополіи послѣ смерти Іова Борецкаго, случившейся 2-го Марта 1631-го года, но тогда православные люди, избиравшіе новаго митрополита, рѣшительно предпочли ему Исаію Копинскаго. Не будемъ поднимать вопроса, правы или неправы были избиратели, предпочетши Исаію Петру Могилѣ, но послѣдній ясно увидѣлъ, что большинство ихъ было рѣшительно на сторонѣ его соперника. Послѣ смерти короля Сигизмунда III (30-го Апрѣля 1632-го года) обстоятельства измѣнились такъ, что у нѣкоторыхъ, а можетъ быть—и у довольно многихъ, православныхъ явилась мысль, что хорошо было бы, если при новыхъ обстоятельствахъ находился на каѳедрѣ не Исаія Копинскій, а Петръ Могила. Могила и поспѣшилъ воспользоваться мыслію, но въ виду рѣшительнаго предпочтенія, не задолго передъ тѣмъ оказаннаго православными Исаіи Копинскому передъ нимъ, онъ не отважился вести дѣла такъ, чтобы цѣль была достигнута путемъ безукоризненнымъ, а рѣшился вести его такъ, что цѣль была достигнута путемъ далеко не безукоризненнымъ. Безукоризненный путь достигнуть цѣли, какъ мы сказали выше, былъ тотъ, чтобы убѣдить Исаію Копинскаго оставить каѳедру. Но должно думать, что не задолго передъ тѣмъ оказанное православными рѣшительное предпочтеніе Исаіи передъ нимъ—Могилой заставляло его опасаться, что мысль пригласить Исаію уступить ему—Могилѣ каѳедру встрѣтитъ среди православныхъ столько же рѣшительную оппозицію [1]),— и онъ удумалъ занять каѳедру митрополіи подъ Исаіей обходя эту оппозицію. Послѣ смерти короля Сигизмунда III, какъ мы говорили, православные Русскіе польской короны настоятельнымъ образомъ потре-

[1]) Послѣ избранія Исаіи на каѳедру митрополіи въ Іюнѣ—Іюлѣ мѣсяцѣ 1631-го года въ слѣдующемъ Декабрѣ мѣсяцѣ имѣлъ мѣсто тотъ случай, что казаки, заявляя свои симпатіи и антипатіи, силой выгнали изъ Златоверхомихайловскаго монастыря игумена, поставленнаго по вліянію Петра Могилы, чтобы доставить монастырь Исаіи Копинскому.

бовали отъ правительства возстановленія правъ своей церкви, чего и удалось имъ достигнуть на избирательномъ сеймѣ, имѣвшемъ мѣсто въ Сентябрѣ—Ноябрѣ мѣсяцахъ 1632-го года, и при чемъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ между всѣми православными былъ именно Петръ Могила, присутствовавшій на сеймѣ вмѣсто больнаго и не могшаго присутствовать на немъ митрополита въ качествѣ его замѣстителя и уполномоченнаго представителя. Для осуществленія явившейся у нѣкоторыхъ православныхъ мысли, что хорошо было бы при данныхъ обстоятельствахъ замѣнить на каѳедрѣ митрополіи Исаію Копинскаго Петромъ Могилой, которая, можетъ быть, ему первому и принадлежала и которая во всякомъ случаѣ немедленно была имъ усвоена, если хотѣли сдѣлать дѣло надлежащимъ образомъ, должно было православнымъ людямъ, имѣвшимъ право избранія митрополита, собраться въ Кіевѣ и здѣсь постараться склонить Исаію Копинскаго уступить каѳедру митрополіи Петру Могилѣ чрезъ удаленіе на покой. Но такъ какъ самъ Могила и люди, сочувствовавшіе мысли о возведеніи его на каѳедру митрополіи вмѣсто Исаіи Копинскаго, опасались встрѣтить сопротивленіе своей мысли въ большинствѣ православныхъ, то и рѣшено было поступить иначе, далеко не безукоризненнымъ образомъ. Подъ тѣмъ предлогомъ, будто такъ называемыми статьями успокоенія требовалось отъ православныхъ, чтобы къ будущей коронаціи короля они избрали двухъ кандидатовъ на митрополію, изъ которыхъ бы одного король утвердилъ въ санѣ митрополита и уполномочилъ привилегіями, часть православныхъ депутатовъ, бывшихъ на избирательномъ сеймѣ, которые сочувствовали мысли замѣнить на каѳедрѣ митрополіи Исаію Копинскаго Петромъ Могилой, избрали въ кандидаты этого послѣдняго и для формы другаго съ нимъ; затѣмъ Петръ Могила тотчасъ же озаботился испросить себѣ утвержденіе въ санѣ митрополита у патріарха Константинопольскаго, за которымъ испрошено было ему утвержденіе въ санѣ митрополита отъ короля и за которыми обоими послѣдовало его поспѣшное посвященіе въ митрополиты, совершонное вмѣсто Кіева во Львовѣ.

Сколько знаемъ, никто не заподозриваетъ и не оспариваетъ подлинности извѣстнаго въ настоящее время акта избранія Петра Могилы въ митрополиты. Въ актѣ этомъ, какъ мы сейчасъ давали знать, присутствовавшіе на избирательномъ сеймѣ депутаты, избравшіе въ митрополиты Петра Могилу, говорятъ, что они совершили избраніе «въ силу необходимости и обязанности, возложенной на нихъ пунктами успокоенія, по которой они должны представить ко времени коронаціи короля двухъ избранныхъ въ санъ митрополита кандидатовъ»...; между

тѣмъ въ пунктахъ успокоенія объ этой обязанности избрать двухъ кандидатовъ въ митрополиты не говорится ни слова. (Странно, что г. Голубевъ вовсе не обращаетъ на это своего вниманія!). Далѣе, спрашивается: кто уполномочилъ тѣхъ сорокъ девять депутатовъ, которые подписались подъ актомъ избранія Петра Могилы, избрать новаго митрополита на мѣсто бывшаго, и должно быть отвѣчено, что никто (а на любопытный вопросъ: какую часть всѣхъ православныхъ депутатовъ, присутствовавшихъ на сеймѣ, представляли собою эти 49 депутатовъ г. Голубевъ не даетъ отвѣта). Затѣмъ въ началѣ акта избранія говорится, что послѣднее совершено сановниками, рыцарями и всѣмъ духовенствомъ, а на самомъ дѣлѣ между подписавшимися подъ актомъ нѣтъ ни одного духовнаго лица. Я сказалъ выше, что во 2-мъ томѣ г. Голубевъ не только не разубѣдилъ меня въ моемъ мнѣніи относительно занятія Петромъ Могилой каѳедры митрополіи, но еще болѣе утвердилъ въ немъ, такъ какъ сообщаетъ въ немъ нѣкоторыя новыя, очень важныя, данныя, которыя служатъ къ подкрѣпленію моего мнѣнія. Въ приложеніяхъ ко 2-му тому авторъ напечаталъ грамоту Петра Могилы въ одно воеводство, въ которой этотъ укоряетъ жителей воеводства за то, что не всѣ они признаютъ его за своего митрополита, но что нѣкоторые изъ нихъ признаютъ митрополитомъ Исаію Копинскаго, а нѣкоторые—иныхъ, кого кто хочетъ. Подлинныя слова грамоты суть: «Узнали мы, что между вашими милостями и до сихъ поръ происходятъ несогласіе и нѣкоторый раздоръ, такъ какъ одни насъ митрополитомъ, другіе нѣкогда почитавшагося быть митрополитомъ Исаію, а иные иныхъ,—кто кого хочетъ, при службахъ церковныхъ безчинно поминаютъ»... «Итакъ хочемъ, чтобы всѣ знали, что нѣкогда признававшійся (митрополитомъ) господинъ Исаія Копинскій, бывъ изверженъ (изъ сана) грамотой святѣйшаго патріарха, добровольно отказался какъ отъ должности, такъ и отъ титула митрополичьяго и обязался намъ своею записью, что и до смерти не будетъ присвоять его себѣ»... (стр. 25). Когда Петръ Могила говоритъ, что иные кромѣ него и Исаіи поминаютъ иныхъ,—кто кого хочетъ, то эту несоотвѣтствующую дѣйствительности рѣчь, такъ какъ кромѣ него и Исаіи никто третій не былъ признаваемъ за митрополита, необходимо понимать такъ, что его самого не поминали, а слѣдовательно—и не признавали значительно многіе: но для насъ въ данномъ случаѣ важно не это, а то, что по его свидѣтельству Исаія Копинскій былъ изверженъ изъ митрополитовъ грамотой патріарха. Исаія Копинскій былъ человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ безупречной жизни и вовсе не можетъ быть предполагаемо о немъ, чтобы онъ допустилъ какое нибудь дѣйстви-

тельное преступленіе, за которое бы подлежалъ изверженію изъ сана, а поэтому необходимо понимать дѣло такъ, что ему въ преступленіе вмѣнено было его медленіе испросить у патріарха утвержденіе въ санѣ митрополита, чего онъ не сдѣлалъ до самаго избранія въ митрополиты Петра Могилы, т. е. что это медленіе его было представлено патріарху какъ нежеланіе его признавать власть патріарха. Что Исаія Копинскій признавалъ и весьма признавалъ власть патріарха, это есть фактъ не подлежащій никакому сомнѣнію для насъ и не могшій подлежать никакому сомнѣнію и для его современниковъ; а что касается до неизвѣстной причины медленія, то вѣроятнѣйшей таковой причиной должно быть считаемо неимѣніе денегъ, которыя по всей вѣроятности требовались болѣе или менѣе значительныя, чтобы поднести патріарху и его чиновникамъ «поминокъ» за утвержденіе въ степени и которыя онъ въ его положеніи могъ скопить только весьма не скоро. Но когда это медленіе представлено было патріарху какъ нежеланіе признавать его власть, что виновный дѣйствительно заслуживалъ быть лишеннымъ сана, то понятно вытекающее отсюда нравоученіе...

Не обращаетъ или не хочетъ обращать г. Голубевъ своего вниманія вотъ на какое очень важное, или по крайней мѣрѣ очень немаловажное, обстоятельство. Петра Могилу далеко не всѣ сразу православные признали своимъ законнымъ митрополитомъ, но нѣкоторое время довольно многіе изъ нихъ продолжали признавать таковымъ своимъ митрополитомъ Исаію Копинскаго. Если бы онъ взошелъ на каѳедру митрополіи безукоризненнымъ путемъ: то для него было простое средство положить конецъ этому раздвоенію, именно—въ своихъ грамотахъ къ православному населенію обстоятельно изложить исторію своего занятія каѳедры и обстоятельно оправдаться отъ взводившихся на него обвиненій. Но онъ этого вовсе не дѣлаетъ. Правда, въ указанной нами грамотѣ онъ сообщаетъ, что Исаія лишенъ патріархомъ сана митрополичьяго, но о томъ, за что именно и насколько справедливо постигла Исаію патріаршая кара, онъ вовсе не распространяется. Правда, въ другихъ грамотахъ онъ выставляетъ на видъ то, что онъ есть митрополитъ упривилеованный или признанный и утвержденный королемъ, давая знать, что таковымъ не былъ Исаія, но онъ вовсе не распространяется о томъ, чтобы послѣдній и не могъ стать таковымъ, т. е. чтобы король отказался бы признать и утвердить послѣдняго, если бы былъ о томъ прошенъ [1]). Правда, въ иныхъ грамотахъ онъ—

---

[1]) Чтобы придать занятію Петромъ Могилой каѳедры митрополіи видъ полной легальности, оно несомнѣнно поставлено и представляемо было такъ, будто король

Могила утверждаетъ, что его выбрали въ митрополиты всѣ сполна православные обыватели Польской короны и великаго княжества Литовскаго (напр. у автора ibid. стр. 21); но на такое увѣреніе можетъ быть только прямо отвѣчено, что оно несправедливо.

Въ 1-мъ томѣ сочиненія авторъ признаетъ, что «у Могилы было желаніе занять митрополичью каѳедру и что онъ дѣлалъ соотвѣтствующія сему желанію приготовленія» (стр. 535); въ настоящемъ 2-мъ томѣ, выражаясь нѣсколько сильнѣе, онъ признаетъ, что, имѣя помянутое желаніе, Могила прилагалъ для его осуществленія «не мало стараній и хлопотъ» (стр. 44). Но если это такъ, то авторъ вмѣстѣ съ симъ признаетъ утверждаемое нами, ибо старанія и хлопоты, по самому существу своему никогда не могущія быть совершенно безукоризненными, тѣмъ болѣе не могли быть таковыми при данныхъ обстоятельствахъ [1])...

Выше мы привели слова автора, что «укорять Петра Могилу исключительно за то, что онъ желалъ занять митрополичью каѳедру (неизбѣжно имѣвшую быть свободною), значитъ укорять и всѣхъ лицъ, стремящихся, безъ нарушенія существующихъ узаконеній, къ достиженію высшихъ почестей (удостоенію «сугубыя чести»)». Къ этимъ

не хотѣлъ признать Исаію Копинскаго законнымъ митрополитомъ. Но если король не хотѣлъ признать законнымъ митрополитомъ Исаію Копинскаго, то само собою предполагалось, что онъ не хотѣлъ признать и всѣхъ оставшихся епископовъ Ѳеофанова ставленія. Сообразное съ тѣмъ, что само собою имѣло предполагаться, и было сдѣлано: епископы заставлены были отказаться отъ каѳедръ и на ихъ мѣста избраны были другіе. А что епископы не протестовали противъ ихъ удаленія съ каѳедръ, то въ семъ нѣтъ ничего особенно удивительнаго: будучи по своему происхожденію не изъ шляхты, они такъ сказать были люди маломощные, и когда имъ было предложено Петромъ Могилой и его сторонниками (не обладавшими «сказочной, богатырской силой», но несомнѣнно обладавшими такой силой, которой не могли не уступить епископы)—или добровольное удаленіе съ каѳедръ и хлѣбъ (который Петръ Могила дѣйствительно и далъ имъ,—у автора стр. 3, при чемъ послѣ двоихъ остававшихся епископовъ, пристроенныхъ въ самой Лаврѣ, о третьемъ вѣроятно думать, что онъ пристроенъ былъ въ одномъ изъ подвѣдомыхъ Лаврѣ монастырей), или же невольное удаленіе съ каѳедръ и безъ хлѣба: то, конечно, они предпочли первое.

[1]) При своихъ раннѣйшихъ занятіяхъ Петромъ Могилой авторъ прямо и признавалъ это послѣднее, такъ что первоначально онъ почти что былъ согласенъ съ нами, см. его статью: «Петръ Могила и Исаія Копинскій», напечатанную въ первомъ полугодіи «Православнаго Обозрѣнія» за 1874-й годъ, стрр. 218, 229, *304*, 321.

словамъ своимъ авторъ прибавляетъ: «Подобной укоризны нашъ митрополитъ тѣмъ менѣе заслуживаетъ, что онъ всею своею послѣдующею жизнію и дѣятельностію доказалъ, сколь онъ достоинъ былъ этого высокаго іерархическаго поста». Вовсе не согласные съ авторомъ въ томъ, чтобы каѳедра митрополичья неизбѣжно имѣла стать свободною, далеко не согласные съ нимъ и въ томъ, чтобы стремящіеся къ достиженію высшихъ почестей, безъ нарушенія существующихъ узаконеній, не заслуживали укоровъ, мы совершенно согласны съ нимъ въ томъ, что Петръ Могила вполнѣ и весьма былъ достоинъ занятаго имъ высокаго іерархическаго поста. Вообще, мы признаемъ достоинства и заслуги Петра Могилы ни кого не менѣе, въ томъ числѣ и самого г. Голубева. Но возможны случаи, чтобы и достойнѣйшіе люди восходили на высокія мѣста не совершенно достойнымъ образомъ, ибо бываетъ, что подобные люди вмѣстѣ съ достоинствами надѣляются страстію властолюбія, которая побуждаетъ ихъ стремиться къ высокимъ мѣстамъ путемъ и не совершенно безукоризненнымъ,—и мы настаиваемъ на томъ, что этотъ прискорбный случай имѣлъ мѣсто при занятіи каѳедры митрополіи Петромъ Могилой.

Мы уже говорили выше, что выступать въ незавидной роли умалителя славы знаменитаго человѣка обязываетъ насъ правда историческая. Въ заключеніе, отстраняя отъ себя то возможное подозрѣніе, что мы первые выступаемъ въ помянутой незавидной роли, укажемъ на нашихъ предшественниковъ. Митр. Евгеній въ Описаніи Кіевософійскаго собора говоритъ о занятіи Петромъ Могилой каѳедры митрополіи подъ Исаіею Копинскимъ въ сущности то же самое, что̀ мы, только короче насъ и съ нѣкоторою прикровенностію (стрр. 166, 170—171); А. В. Горскій въ статьѣ: «Петръ Могила митрополитъ Кіевскій», напечатанной въ IV книжкѣ Прибавленій къ твореніямъ святыхъ отцевъ, вовсе не ставитъ вопроса о занятіи Петромъ Могилой каѳедры митрополіи, каковой обходъ вопроса не можетъ быть понимаемъ иначе, какъ въ томъ смыслѣ, что онъ не находилъ возможнымъ дать на вопросъ совсѣмъ благопріятнаго отвѣта (а отвѣтъ не совсѣмъ неблагопріятный въ его время и въ его мѣстѣ не былъ возможенъ); преосв. Макарій въ Исторіи русской церкви оправдываетъ Петра Могилу отъ обвиненія въ занятіи имъ каѳедры митрополіи подъ Исаіею Копинскимъ, но объ его властолюбіи говоритъ съ большою выразительностію (т. XI, стр. 399 sqq); Ф. А. Терновскій въ статьѣ: «Кіевскій митрополитъ Петръ Могила», напечатанной во 2-мъ томѣ Кіевской Старины, говоритъ о властолюбіи Петра Могилы съ полною ясностію, а о небезупречности занятія имъ каѳедры митрополіи лишь

съ нѣкоторою прикровенностію или, такъ сказать, прикровенною аккуратностію. А четверо сейчасъ поименованныхъ нами ученыхъ представляютъ собою наиболѣе авторитетныхъ ученыхъ изъ числа писавшихъ о Петрѣ Могилѣ.

Обращаемся къ другой половинѣ нашихъ рѣчей о сочиненіи г. Голубева, которыя будутъ посвящены замѣчаніямъ о сочиненіи во всемъ его объемѣ и которыя, какъ мы сказали, не будутъ длинными.

Во *введеніи* къ сочиненію довольно странно, что авторъ ни слова не говоритъ въ немъ объ отношеніи настоящаго 2-го тома къ 1-му тому, по каковой причинѣ человѣкъ незнакомый съ 1-мъ томомъ такъ и останется съ своимъ незнаніемъ: что же онъ представляетъ собой, т. е. что именно въ немъ содержится. А еще болѣе странно, что, указавъ обширное поле, которое открывалось для дѣятельности Петра Могилы въ санѣ митрополита, авторъ говоритъ: «Обозрѣнію нѣкоторыхъ сторонъ этой дѣятельности знаменитаго митрополита, въ связи съ общимъ ходомъ церковно-историческихъ событій того времени, и посвящается настоящій томъ нашего труда». Авторъ пишетъ свое сочиненіе, конечно, по опредѣленному плану. Но когда онъ не говоритъ прямо, рѣчамъ о чемъ посвященъ будетъ томъ, а говоритъ, что онъ посвящается обозрѣнію нѣкоторыхъ сторонъ дѣятельности Могилы, то выходитъ (и получается такое впечатлѣніе), что какъ будто онъ собирается вести рѣчи не о чемъ слѣдуетъ ему по плану сочиненія, а о чемъ ему вздумается.

Въ *первой главѣ* сочиненія, излагая отношенія между Исаіею Копинскимъ и Петромъ Могилой отъ низложенія перваго съ каѳедры митрополичьей до его смерти, случившейся 5-го Октября 1640-го года, авторъ не совсѣмъ справедливъ къ Исаіи, когда укоряетъ его, что онъ безъ всякой провѣрки разглашалъ слухи о Могилѣ, будто этотъ собирается измѣнить православію и приступить къ уніи. Какъ было Исаіи не вѣрить слухамъ, когда ихъ настоятельно распускали католики и уніаты, когда даже самъ папа писалъ, что «возлюбленные (его) братія—Петръ Могила, митрополитъ Русиновъ, и Аѳанасій, епископъ Луцкій, заботятся о приведеніи всѣхъ Русскихъ къ единенію съ римскимъ престоломъ на основаніи опредѣленій флорентійскаго собора (у автора стр. 140). И самъ авторъ, оправдывая Исаію Копинскаго въ его подозрѣніяхъ, находитъ вѣроятнымъ принимать, что Петръ Могила не чуждъ былъ мысли о нѣкотораго рода, хотя и не совсѣмъ настоящей уніи, о чемъ сейчасъ ниже. Затѣмъ, когда авторъ, говоря о смерти Исаіи Копинскаго, выражается, что онъ «окончилъ свою многомятежную и многострадальную жизнь» (стр. 34 fin.), то мы на-

ходимъ, что въ приложеніи къ Исаіи слово: многомятежный есть слово жестокое: страдалъ онъ много, но чтобы много чинилъ онъ и мятежей, этого какъ будто нельзя сказать о немъ [1]).

Относительно *второй* главы сочиненія, въ которой излагается государственная борьба православныхъ съ уніатами и отчасти католиками за время пребыванія на каѳедрѣ митрополичьей Петра Могилы, мы откровенно должны сказать, что произнести о ней рѣшительнаго сужденія мы не въ состояніи: чтобы судить насколько полно и обстоятельно излагается авторомъ длинная борьба и насколько вѣрно она освѣщается имъ во всѣхъ ея частностяхъ, для этого самому нужно спеціально и детально изучить ее, а мы такого изученія не предпринимали. Насколько хватаетъ нашихъ свѣдѣній, мы должны отозваться о главѣ съ похвалой какъ о совершенно удовлетворительной, съ той впрочемъ оговоркой, что имѣемъ сдѣлать одно замѣчаніе.

Указывая данныя и соображенія, которыя имѣются для предположеній *о Петрѣ Могилѣ какъ сторонникѣ уніи съ Римомъ*, авторъ между прочимъ говоритъ: «Разумѣется, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что если бы осуществился (относящійся къ 1636-му году) проектъ короля Владислава IV объ учрежденіи въ западно-русскихъ областяхъ особаго патріархата, объединившаго подъ своимъ управленіемъ религіозно-примиренныхъ между собою православныхъ и уніатовъ,—то первымъ кандидатомъ на патріаршество былъ бы Петръ Могила; вѣроятно, что послѣдній не чуждъ былъ мысли объ этомъ подъ условіемъ религіознаго примиренія на началахъ, указанныхъ нами выше; но вѣдь такое примиреніе въ сущности было ни чѣмъ инымъ, какъ возвращеніемъ уніатовъ въ лоно православія, и послѣ подобнаго примиренія всѣ отношенія къ папѣ сводились бы къ почетному признанію его главенства (безъ привнесенія этого главенства въ догму)»,— стр. 230—231. Выше авторъ какъ будто указываетъ начала только настоящей уніи (стр. 143 fin. sqq) и какъ будто не указываетъ началъ, на которыхъ примиреніе православныхъ съ уніатами въ сущности было бы ни чѣмъ инымъ, какъ возвращеніемъ уніатовъ въ лоно православія; но во всякомъ случаѣ начала эти видны и изъ того, что авторъ говоритъ здѣсь. Если авторъ имѣетъ достаточныя основанія

---

[1]) Авторъ какъ будто не отрицаетъ справедливости извѣстія Іоакима Іерлича, что Петръ Могила въ своей борьбѣ съ Исаіею Копинскимъ и приверженцами послѣдняго прибѣгъ къ такой крутой мѣрѣ, какъ запрещеніе или низложеніе посвященныхъ Исаіею священниковъ. Но объ этомъ дѣяніи и по поводу этого дѣянія Могилы онъ ничего не говоритъ.

предполагать, что Петръ Могила не чуждъ былъ мысли о примиреніи съ уніатами на условіи почетнаго признанія главенства папы (безъ привнесенія этого главенства въ догму): то совершенно правъ былъ Исаія Копинскій, когда билъ свой набатъ, и столько же непонятно для насъ равнодушіе, съ которымъ авторъ говоритъ о склонности Могилы къ примиренію на указанномъ условіи. Примиреніе это было бы не возвращеніемъ уніатовъ въ лоно православія, а напротивъ первымъ погибельнымъ шагомъ со стороны патріарха къ настоящей уніи, ибо невозможно допустить, чтобы католики навсегда удовольствовались этимъ почетнымъ признаніемъ главенства папы безъ привнесенія его въ догму. Позволяемъ себѣ думать, что авторъ не имѣетъ достаточныхъ основаній предполагать, будто Петръ Могила склонялся къ мысли о примиреніи на указанномъ условіи; иначе надлежало бы быть другимъ рѣчамъ...

Въ *третьей* главѣ сочиненія, посвященной литературной полемикѣ православныхъ южно-руссовъ съ иновѣрцами за время правленія Петра Могилы, авторъ говоритъ о пяти сочиненіяхъ: Exegesis'ѣ и Patericon'ѣ Сильвестра Коссова, Тератургимѣ Аѳанасія Кальнофойскаго, Indicium'ѣ неизвѣстнаго автора и Λιθος'ѣ самого Петра Могилы съ сотрудниками. Exegesis, Indicium и Λιθος трактуются авторомъ обстоятельно. Что касается Patericon'а, то, не говоря о немъ самомъ, авторъ говоритъ лишь о полемическихъ приложеніяхъ къ нему [1]), а къ нему самому, нѣтъ сомнѣнія, возвратится въ слѣдующемъ томѣ сочиненія. Возвратится ли онъ къ Тератургимѣ, которую со стороны полемической ея части трактуетъ такъ же обстоятельно, какъ все предшествующее, не знаемъ. Мы съ своей стороны желали бы, чтобы въ слѣдующемъ томѣ, не въ текстѣ, а въ приложеніяхъ, которыми этотъ будущій томъ, конечно, также будетъ богатъ, какъ и два изданные тома, онъ напечаталъ изъ Тератургимы Кальнофойскаго тѣ главы, въ которыхъ описываются пещеры Кіево-Печерскаго монастыря съ находящимися въ нихъ мощами святыхъ. Правда, что эти описанія пещеръ, сдѣланныя Кальнофойскимъ, читаются у митр. Евгенія въ его Описаніи Кіево-Печерской Лавры, но въ передачѣ не совсѣмъ точной и не совсѣмъ полной, недостаточной для ученаго пользованія, между тѣмъ какъ книга Кальнофойскаго, по крайней мѣрѣ—у насъ въ сѣверной Россіи, очень рѣдка. Не можемъ не сдѣлать упрека автору, что свои

[1]) Въ приводимыхъ авторомъ рѣчахъ приложеній къ Patericon'у о чествованіи св. мощей есть ссылка на два правила 7-го вселенскаго собора (стр. 275). Если бы авторъ повѣрилъ ссылку, то увидѣлъ бы, что она неправильна.

рѣчи о нѣкоторыхъ, неизвѣстныхъ читателю и недоумѣнныхъ для него предметахъ онъ оставляетъ безъ поясненія. Такъ, онъ говоритъ, что въ Тератургимѣ содержится опроверженіе мнѣнія о Чоботкѣ (стр. 296 fin), а потомъ приводитъ насмѣшливыя слова Кассіана Саковича, обращенныя къ православнымъ: «А гдѣ же у васъ, схизматиковъ, реликвіи святыхъ? Развѣ только отъ пещеръ Кіевскихъ отъ Чоботка и другихъ, тамъ лежащихъ, берете ихъ» (стр. 394): но что такое этотъ Чоботокъ, читателю остается неизвѣстнымъ (и такъ какъ онъ несомнѣнно заинтересовывается или, какъ теперь говорятъ, заинтриговывается этимъ Чоботкомъ, то, конечно, онъ тѣмъ менѣе благодаритъ автора, что оставляется имъ въ невѣдѣніи о послѣднемъ).

Въ *четвертой* главѣ, посвященной заботамъ Петра Могилы о возобновленіи и благоустройствѣ древнихъ кіевскихъ храмовъ, авторъ говоритъ о возстановленіи Могилой: 1) Софійскаго собора, 2) Десятинной церкви (собственно—о построеніи новой малой церкви на мѣстѣ древней великой), 3) Васильевской или Трехсвятительской церкви, 4) Спасской церкви на Берестовомъ и 5) Михайловской церкви въ Выдубицкомъ монастырѣ. Относительно этой главы можетъ быть замѣчено развѣ только то, что напрасно авторъ слишкомъ довѣряетъ описанію Софійскаго собора, сдѣланному Павломъ Алеппскимъ. Хотя этотъ послѣдній и увѣряетъ, что надъ составленіемъ описанія онъ прилежно трудился, бодрствуя по ночамъ, но онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ восточныхъ людей, для которыхъ по самой ихъ натурѣ настоящая европейская—такъ сказать, точность невозможна и которые даже и при нарочитыхъ заботахъ о точности выходятъ далеко не совершенно точными, непремѣнно мѣшая Wahrheit съ своимъ Dichtung. Онъ говоритъ, что церковь имѣетъ по своей длинѣ съ запада на востокъ (или на оборотъ) 12 нефовъ или отдѣленій, но что восточныхъ абсидъ у нея семь; на самомъ дѣлѣ должно думать, что церковь въ его время, какъ это теперь, имѣла одинаковое число нефовъ и абсидъ, имѣя абсиду противъ каждаго нефа, такъ что нужно было бы полагать, что нефовъ и абсидъ было семь или двѣнадцать. Но потомъ онъ говоритъ, что съ сѣверной стороны главнаго олтаря находятся четыре боковые олтаря, подразумѣвается—въ четырехъ абсидахъ: по этому указанію слѣдуетъ, что всѣхъ абсидъ было въ соборѣ, какъ и въ настоящее время, девять (средняя и по четыре боковыхъ). Когда онъ говоритъ, что все число куполовъ церкви восемнадцать, а число большихъ золоченыхъ крестовъ на куполахъ, зубцахъ и горбообразныхъ сводахъ тридцать шесть, то очень позволительно сомнѣваться въ вѣрности его счета. Объ иконѣ св. Софіи въ соборѣ онъ говоритъ: «По лѣвую сто-

рону отъ иконы Господа (въ главномъ иконостасѣ) стоитъ икона св. Софіи, работы мудраго и искуснаго мастера: въ серединѣ иконы церковь съ колоннами, при основаніи которой кругомъ родъ свода; надъ церковью Христосъ и Его Духъ Святой нисходитъ на нее въ сіяніи; внизу изображеніе геенны; кашидьяри (дьяволъ, бѣсъ) съ очень большимъ носомъ держитъ въ рукахъ лукъ и стрѣлы, подлѣ него множество персіянъ въ кисейныхъ тюрбанахъ съ луками и стрѣлами стрѣляютъ на церковь; толпа франковъ въ своихъ шляпахъ и костюмахъ съ ружьями и пушками, изъ которыхъ они стрѣляютъ; всѣ ведутъ брань противъ нея». Нынѣшняя икона св. Софіи въ Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ не имѣетъ ничего общаго съ тою чудною иконою, которую изображаетъ Павелъ Алеппскій, нигдѣ въ Россіи подобной чудной иконы неизвѣстно и весьма вѣроятно, что онъ видѣлъ ее во снѣ, во время своихъ ночныхъ бодрствованій. Право предполагать это послѣднее онъ даетъ намъ тутъ же: онъ говоритъ, что въ олтарѣ подлиннаго Константинопольскаго храма св. Софіи онъ видѣлъ Господа Христа, стоящаго во весь ростъ и благословляющаго, изображеннаго съ великимъ совершенствомъ и красотой: но въ олтарѣ Константинопольской св. Софіи вовсе не Господь Христосъ, а Божія Матерь. Напрасно авторъ не сличилъ, насколько то можно, описаніе Павла Алеппскаго съ нынѣшнею св. Софіею, что служило бы къ рѣшенію вопроса: до какой степени нынѣшняя св. Софія есть Петро-могилинская.

Въ *пятой* главѣ сочиненія, которая посвящена быту и администраціи юго-западной русской церкви за время управленія митрополіей Петра Могилы, авторъ говоритъ: а) о стараніяхъ Могилы искоренить въ высшемъ и низшемъ духовенствѣ,—между епископами и священниками, весьма антиканоническое, но значительно распространенное въ юго-западной церкви, двоеженство не только вторыхъ, но даже и первыхъ,—ограничить своеволіе братствъ, позволявшихъ себѣ вмѣшиваться въ церковныя дѣла болѣе должнаго, поднять просвѣщеніе и нравственность въ средѣ духовенства; б) объ организаціи при Петрѣ Могилѣ церковно-административнаго надзора и суда; в) о стремленіи Могилы усилить свою власть надъ братствами, ограничить права патроновъ надъ церквами и внушить достодолжное повиновеніе къ себѣ со стороны епископовъ.

Сказать откровенно, мы не вполнѣ довольны настоящей послѣдней главой сочиненія, но очень возможно, что недовольство наше неосновательно. Намъ представлялось бы, что бытъ церкви за данное время могъ быть изображенъ съ бóльшею полнотою и бóльшею обстоятельностію, такъ чтобы получалась болѣе или менѣе живая и болѣе или менѣе весь его обнимающая картина; но очень возможно, что намъ

желалось бы того, чего авторъ не могъ дать по не зависящимъ отъ него обстоятельствамъ,—по отсутствію у него средствъ для удовлетворенія нашего желанія, т. е. по недостатку источниковъ. Во всякомъ случаѣ не можемъ не упрекнуть автора, что, говоря о порядкахъ и обычаяхъ жизни и о вкравшихся въ нее злоупотребленіяхъ, онъ беретъ эти порядки, обычаи и злоупотребленія, какъ данные факты, не освѣщая ихъ историко-археологически, т. е. не отвѣчая относительно нихъ на вопросы: когда, какъ, почему и пр. Напр., ко времени Петра Могилы между епископами и священниками юго-западной русской церкви очень распространенъ былъ антиканоническій обычай двоеженства. Читателю желалось бы знать: когда явился этотъ обычай и почему онъ сильно распространился; но желаніе его оставляется авторомъ безъ удовлетворенія. То же должно сказать о патронатѣ, о протопопахъ и визитаторахъ, о консисторіи. За симъ имѣемъ сдѣлать упрекъ автору, если не за намѣренное прикрываніе Петра Могилы, то за странный и не совсѣмъ извинительный недосмотръ. Онъ говоритъ, что Могила настоятельнѣйшимъ образомъ боролся противъ отступленій отъ каноническихъ постановленій при возведеніи на іерархическія степени, и вовсе не дѣлаетъ никакого замѣчанія по тому поводу, что Могила антиканонически поставилъ Арсенія Желиборскаго въ епископы Львовскіе, когда этому было лишь 23 года (стр. 514 sub fin.).

Наши частныя, очень краткія и очень неважныя, замѣчанія на сочиненіе мы должны закончить однимъ общимъ упрекомъ автору. Упрекъ этотъ состоитъ въ томъ, что онъ оставляетъ безъ перевода на русскій языкъ приводимыя имъ выдержки изъ своихъ источниковъ, писанныхъ на малорусско-польскомъ языкѣ. Авторъ можетъ возразить намъ, что этотъ переводъ слишкомъ увеличилъ бы объемъ его книги. Въ отвѣтъ на это мы, во-первыхъ, спросимъ его: а какія были препятствія къ тому, чтобы онъ приводилъ выдержки въ одномъ русскомъ переводѣ безъ подлинника, съ приведеніемъ изъ этого послѣдняго въ скобахъ только отдѣльныхъ фразъ или отдѣльныхъ словъ въ тѣхъ случаяхъ, когда это почему либо требовалось? Во-вторыхъ, приведеніе выдержекъ въ подлинникѣ и переводѣ, если уже авторъ непремѣнно стоитъ за первый, увеличило бы книгу листа на полтора—на два печатныхъ. А это—такое незначительное увеличеніе, которое въ сравненіи съ нечтомостію великорусскимъ читателемъ многочисленныхъ выдержекъ изъ малорусско-польскихъ источниковъ ничего не значило. Приложеній, конечно, не станетъ читать обыкновенный читатель, хотя впрочемъ въ иныя и заглянулъ бы; но если бы и къ нимъ авторъ приложилъ словарчикъ, который занялъ бы около листа печатнаго: то

великорусскіе ученые, которые имѣютъ нужду и желаніе читать приложенія, сказали бы ему большое спасибо.

Остается намъ отвѣтить на вопросъ: заслуживаетъ ли настоящій томъ сочиненія г. Голубева быть удостоеннымъ преміи, на соисканіе которой онъ представленъ. Отвѣчаемъ на вопросъ, что не просто заслуживаетъ, но заслуживаетъ вполнѣ и совершенно. Несогласные съ авторомъ по одному пункту, именно—относительно занятія Петромъ Могилой каѳедры митрополіи, не находя сочиненіе совершенно безупречнымъ до самыхъ малыхъ частностей, мы тѣмъ не менѣе должны отозваться о немъ съ рѣшительною и настоятельною похвалой. Сказать о немъ въ общемъ, чтобы трактуемая въ немъ часть дѣлъ и дѣятельности Петра Могилы и сподвижниковъ послѣдняго была изслѣдуема съ такою основательностію и была излагаема съ такою обстоятельностію, которыя бы не оставляли желать ничего лучшаго и бо́льшаго, конечно, было бы много, ибо подобныя, безусловно совершенныя, творенія до крайности рѣдки или точнѣе сказать—ихъ вовсе не бываетъ. Но въ предѣлахъ возможнаго и достижимаго, въ предѣлахъ того, что̀ можетъ быть спрашиваемо, авторъ даетъ въ нашемъ томѣ своего изслѣдованія ученое произведеніе, которымъ останется довольна и очень строгая критика и за которое искренно будутъ благодарны ему и всѣ чтители отечественной церковной исторіи (когда авторъ окончитъ сочиненіе, то въ полномъ своемъ видѣ оно будетъ представлять собою ученый трудъ истинно капитальный!). Выше мы ничего не сказали о многочисленныхъ приложеніяхъ къ настоящему тому сочиненія, собрать которыя автору стоило очень большихъ стараній, которыя, насколько можно, обстоятельно комментированы имъ и которыя, бывъ впервые напечатаны имъ, какова значительнѣйшая ихъ часть, или же бывъ перепечатаны съ изданій рѣдкихъ [1]), представляютъ собою очень большую цѣнность: но мы того мнѣнія, что если бы и однѣ эти приложенія представлены были на премію, то не несправедливо было бы увѣнчать ею и однѣ ихъ. Вообще, наше мнѣніе о настоящемъ томѣ сочиненія г. Голубева есть то, что авторъ по всей справедливости долженъ быть удостоенъ за него преміи, на соисканіе которой онъ представленъ.

Бывшій профессоръ Московской Духовной Академіи

Е. Голубинскій.

23 Марта
1899.

---

[1]) Нѣкоторыя изъ приложеній (напр. № LXXXI) вмѣсто слѣдующаго 3-го тома попали въ настоящій томъ случайнымъ образомъ.

Цѣна 25 коп.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00003075923